

БЛАГОВѢЩЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Цѣна годовому изданію съ доставкой и пересылкою **ШЕСТЬ РУБ.** Подписка принимается при Духовной семинаріи.

Отъ редакціи принимаются только подписки гектога. Цѣна за строку петита по 10 коп. За разсылку при Епарх. Вѣдом. отпеч. объявл. взимается 3 р.

№ 21.

1-го ноября
1915 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫИ.

СОДЕРЖАНІЕ: ВЫСОЧАЙШАЯ благодарность.—Настоятелямъ церквей Благовѣщенской епархіи.—Извѣстія по епархіи.—Отъ редакціи „Благовѣщенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

ВЫСОЧАЙШАЯ благодарность.

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА Семилостивѣйше повелѣтъ соизволила благодарить отъ Имени ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ввѣренный Вамъ приходъ за сдѣланное пожертвованіе въ пользу воиновъ защитниковъ родины, принятое Складомъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА подъ квитанцію № 5656.

Отношеніе Склада ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, отъ 24-го Іюля 1915 года.

Настоящая ВЫСОЧАЙШАЯ благодарность Предсѣдателемъ Черниговскаго Церковно-Приходскаго Попечительнаго Со-

вѣта о семьяхъ запасныхъ чиновъ священникомъ Александромъ Рубцовымъ, была прочитана, по полученіи таковой, въ мѣстномъ Черниговскомъ храмѣ, Благовѣщенской епархіи.

Настоятелямъ церквей Благовѣщенской епархіи.

Одинъ изъ священниковъ Благовѣщенской епархіи обратился къ Епархіальному Начальству съ ходатайствомъ о назначеніи вмѣсто псаломщика, взятаго на военную службу по мобилизации, замѣстителя ему.

Вслѣдствіе сего и въ дополненіе къ распоряженію Епархіальнаго Начальства, отъ 22 сентября 1914 года за № 294-8418, пропечатанному въ № 21 Епархіальныхъ Вѣдом. за 1914 г., Духовная Консисторія даетъ знать къ исполненію настоятелей церквей Благовѣщенской епархіи, что на обязанности ихъ самихъ или при содѣйствіи мѣстнаго благочиннаго лежитъ подыскиваніе замѣстителей псаломщиковъ, призываемыхъ въ войска по обстоятельствамъ военного времени, за половину братскихъ доходовъ, падающихъ на псаломщическую часть. Октября 15 дня 1915 года. № 10397.

Извѣстія по епархіи.

Предложеніемъ Его Преосвященства, отъ 14 октября с. г. за № 3613, іеромонахъ *Серафимъ* **уволень** отъ должности священника перваго причта Манчжурской миссіи, съ оставленіемъ и. об. священника градо-Благовѣщенской тюремной церкви.

Тѣмъ же предложеніемъ на должность священника перваго причта манчжурской миссіи **назначень** іеромонахъ *Александръ*.

Резолюціею Его Преосвященства, отъ 12 октября с. г. за № 3594, учитель *Зборовскій* **допущень** къ и. об. псаломщика Приамгунской церкви.

Резолюціею Его Преосвященства, отъ 12 октября с. г. за № 3598, къ исправленію должности псаломщика церкви села Доле-Троицкаго, Приморской. обл., **допущень** *Воскресенскій*.

Рѣшеніемъ Благовѣщенскаго Епархіальнаго Начальства, отъ 11/15 октября с. г. за № ³⁸⁴/3648, священникъ церкви села Бѣлый-Яръ, Амурск. обл., *Адріанъ Крюковъ* **отрѣшенъ** отъ

должности, съ запрещеніемъ въ священнослуженіи впредь до раскаянія и исправленія, и опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ церкви села Сохатино, Амурск. обл.

Резолюціею Его Преосвященства, отъ 23 октября с. г. за № 3764, священникъ *Серій Хвалебновъ* **назначенъ** на должность второго священника къ градо-Благовѣщенской Михаило-Архангельской церкви, освободившуюся за переходомъ на службу въ Оренбургскую епархію священника *Валентина Перехвальскаго*.

Опредѣленіемъ Благовѣщенскаго Епархіальнаго Начальства, отъ 10/23 октября с. г. за № 300/3757, изъ *Вятскаго* миссіонерскаго стана, Приморск. обл., **перечислены**: 5 инородческихъ стойбищъ по р. Куру въ приходъ церкви села *Восторювскаго* и 8 стойбищъ по р. Тунгузкъ въ вѣдѣніе *Боюродично-Феодоровскаго* мужского монастыря.

Опредѣленіемъ Благовѣщенскаго Епархіальнаго Начальства, отъ 23 октября с. г. за № 10575/3759, разъѣздной причтъ на ст. *Бира* восточной части Амурск. жел. дор. **перечисленъ** изъ VIII благочинническаго участка въ IX-ый.

Сынъ учителя *Феодоръ Роювъ* резолюціею Его Преосвященства, отъ 29 октября с. г. за № 3829, согласно прошенію, **назначенъ** и. д. псаломщика къ церкви села Бѣлый-Яръ, Амурской области.

Крестьянинъ *Максимъ Шіянъ*, согласно прошенію, резолюціею Его Преосвященства, отъ 29 октября с. г. за № 3840, **назначенъ** и. д. псаломщика къ церкви села Ружина, Приморской области.

Крестьянинъ *Григорій Воздвиженскій*, согласно прошенію, резолюціею Его Преосвященства, отъ 29 октября с. г. за № 3841, **назначенъ** и. д. псаломщика къ церкви села Михайловскаго, Приморской области.

Священникъ церкви села Стрѣтенскаго, Приморск. обл., *Іоакимъ Фроловъ* за усердное исправленіе обязанностей благочиннаго X участка и ревностное служеніе Церкви Божіей

Его Преосвященствомъ 29 октября сего года **награжденъ набед-
ренникомъ**, а 30 го того же октября, резолюціею за № 3880,
перемѣщенъ на священническое мѣсто въ село Михайловское,
Амурской области, и **назначенъ** исправляющимъ должность
благочиннаго 5 участка церквей Благовѣщенской епархіи.

Резолюціею Его Преосвященства, отъ 30 октября с. г. за
№ 3880, для исполненія пастырскихъ обязанностей въ селѣ
Михайловскомъ, Амурской обл., впредь до прибытія сюда ново-
назначеннаго приходскаго священника Іоакима Фролова,
командированъ іеромонахъ Архіерейской Домовой церкви *Ма-
карій*.

Отъ редакціи „Благовѣщенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

Редакція проситъ о. о. благочинныхъ и настоятелей церк-
вей епархіи озаботиться присылкою недоимки подписной пла-
ты за 1915 и прежніе годы, согласно разосланнымъ редак-
ціею свѣдѣніямъ.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1 ноября

№ 21.

1915 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Лекціи по методикѣ Закона Божія.—На свѣжую могилу великаго борца за народную трезвость М. Д. Чельшева.—Религіозныя потребности времени.—Митрополитъ Макарій.—Извѣстія и замѣтки.

Лекціи по методикѣ Закона Божія*).

Но есть и другой способъ, при которомъ изученіе катихизиса становится для дѣтей и живымъ и интереснымъ, когда вопросъ учителя звучитъ вопросомъ и въ ихъ сердцѣ, а отвѣты и разъясненія его дѣйствительно какъ бы откровеніемъ, какъ бы свѣтомъ—тамъ, гдѣ раньше была у нихъ тьма и тьму эту они уже замѣчали. Это все тотъ же способъ, которому мы много удѣляли вниманія и раньше,—насыщеніе урока справками изъ дѣйствительной жизни и такая же жизненная постановка самаго вопроса и его вырѣшенія съ учениками.

Возьмемъ на выборъ нѣсколько такихъ уроковъ. 1) Преподающій подошелъ ко 2-й заповѣди. Текстъ ея дѣти уже знаютъ (вообще, откладывать выучиваніе Символа и заповѣдей до катихизиса нельзя: это явится на тотъ послѣдній годъ лишнимъ придаткомъ для труднаго и безъ того года, и неустранимою помѣхой для правильнаго веденія уроковъ). И вотъ, приступая къ раскрытію и уясненію смысла ея, законоучитель указываетъ дѣтямъ, какъ примѣняютъ ее молokane, (что-де и они можетъ быть слышали или въ свое время услышать) и въ связи съ этимъ ставитъ вопросъ: правда ли, будто

---

*) Продолженіе. См. № № 1, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19 и 20 Епархіальныхъ Вѣдомостей сего года.

иконы наши—это тѣ идола, кумиры, о которыхъ сказано въ заповѣди?

Далѣе, онъ припоминаетъ съ дѣтьми, извѣстные имъ, особенно при выше отмѣченной правильной и полной постановкѣ изученія 1-й заповѣди, историческіе факты языческаго идолопоклонства (напр., Ваала—при Иліи, истукана, сдѣланнаго Навуходоносоромъ, Перуна—у нашихъ предковъ) и наглядно, послѣдовательно—не спѣша—оттѣняетъ, *кого* изображали кумиры (всегда ложнаго, выдуманнаго—не существующаго—бога, являясь обманомъ) и *кому* въ такихъ случаяхъ язычники поклонялись (—самому этому изображенію, которое почитали за бога). Послѣ этого, также не спѣша, ученики усваиваютъ, *кто у насъ* изображается на иконахъ (—всего чаще Спаситель, Божія Матерь и святые угодники Божіи, понятіе о которыхъ они передъ этимъ уже получили): ученики сознательно и отчетливо формулируютъ: икона есть изображеніе истиннаго (а не ложнаго) Бога или святыхъ: свѣтлыхъ ангеловъ и угодниковъ Божіихъ—лучшихъ изъ всѣхъ людей. Тогда законоучитель останавливаетъ вниманіе дѣтей на томъ, *кому* должно молиться передъ иконой. Уясняя это съ дѣтьми, онъ дополнительно сообщаетъ имъ, что еще на 7, извѣстномъ имъ, вселенскомъ соборѣ постановлено было молиться такъ, чтобы честь отъ образа восходила къ Первообразному, и что если бы кто сталъ молиться самой иконой, въ ея краскахъ и доскѣ, то это было бы только суевѣріемъ. Въ связи съ этимъ учащіеся припомнятъ и то, какъ евреи, которымъ и запрещено было идолопоклонство 2-ю заповѣдью, по волѣ Божіей имѣли херувимовъ въ своей скинни и почитали ковчегъ завѣта, и какъ въ христіанской церкви святые иконы употреблялись съ первыхъ вѣковъ даже еще въ пору гоненій. Въ заключеніе, путемъ нагляднаго показыванія дѣтямъ „святого“ угла—гдѣ икона, и по діагонали—пустого, учитель съ классомъ выяснитъ, что Богу молиться несравненно естественнѣе, легче и живѣе *предъ иконою*, нежели *безъ нея*; здѣсь же оттѣнить, особенно, если онъ священникъ—показывая имъ Распятіе съ груди, какъ много узнаетъ иль вспоминаетъ и совсѣмъ безграмотный человѣкъ, когда, молясь, онъ смотритъ на крестъ съ изображеніемъ распятаго на немъ Спасителя.

Думается, послѣ всего этого смыслъ 2-й заповѣди, именно тотъ смыслъ, который нуженъ для жизни, ученикамъ будетъ совершенно ясенъ, и всякія нападки иновѣрующихъ на наше иконопочитаніе покажутся имъ только странными.

Но для полноты урока, законоучитель потомъ укажетъ еще на какъ обычный, и у насъ встрѣчающійся видъ идоло-

поклонства, — на идолопоклонство духовное¹⁾. Однако и здѣсь онъ выяснитъ это, также примѣняясь къ наличному ихъ житейскому опыту. Напримѣръ, понятіе гордости онъ упроститъ указаніемъ на то, когда человекъ „задается“ (ихъ любимый и слишкомъ имъ понятный терминъ), припомнитъ здѣсь съ ними и фарисея евангельскаго; самый же яркій образчикъ такой одержимости и служенія своего рода кумиру укажетъ, конечно, въ пьянствѣ, съ его готовностью все отдать, семью и душу свою погубить — „за чарочку“.

При изученіи VII члена, выясняя понятіе о Страшномъ Судѣ — догматъ, которому теперь неразумно, ко вреду и для взрослыхъ, и для дѣтей, удѣляется какъ-то мало вниманія, и который въ катихизисѣ проходится часто вскользь, законоучитель живыми примѣрами уяснитъ, какъ мы будемъ судимы и за дѣла, и за слова, и за самыя помысленія. Вниманіе особенное онъ обратитъ здѣсь, въ виду забвенія этой истины въ жизни общечеловѣческимъ, и въ частности русскимъ нашимъ, сознаніемъ; на судъ *за слова*: здѣсь онъ отгнѣнитъ всю мерзость и грѣховность сквернословія и постарается заложить въ души дѣтей и отвращеніе къ нему, и боязнь его (какъ известно, въ курсахъ катихизиса этому грѣху обычно вовсе не отводится мѣста). Отгнѣнитъ законоучитель, хотя и съ большою осторожностью, и грѣхи помысленіемъ: здѣсь — скорѣй въ общей характеристикѣ, — „что бываютъ-де грѣхи также тяжелые и страшные, когда человекъ и вишняго дѣла грѣховнаго никакого не дѣлаетъ, и даже словами усть своихъ не сквернитъ, а все же и виноватъ, и дастъ на Страшномъ Судѣ отвѣтъ за нихъ Богу. Люди могутъ-де, особенно когда наслушаются скверныхъ разказовъ, или прочитаютъ развращенныя книжки, или посмотрятъ безстыдныя картинки, про себя думать самыя грязныя и безстыдныя мысли, и думаютъ этого никто не видитъ. А Господь все видитъ и больше всего смотритъ на сердце человека, что въ душѣ и въ мысляхъ у насъ, однимъ словомъ — говорить такъ, чтобы и понятно, и оцутительно воспринималась суть осуждаемаго имъ только тѣми, кто такого рода привычками уже грѣшенъ.“

Переходя къ II-му члену о воскресеніи мертвыхъ, законоучитель самъ поставитъ предъ сознаніемъ дѣтей вопросъ: какъ это воскреснуть умершіе, — отгнѣнивъ гдѣ это признаетъ удобнымъ, что тѣла исчезаютъ, безслѣдно сгніютъ съ столѣтіями,

¹⁾ Относимое всегда ко 2-й заповѣди, это духовное идолопоклонство правильнѣе должно быть изучается при 1-й заповѣди, какъ отрицательное добавленіе къ ней и какъ поводъ къ ея дарованію. Вѣдь по существу, если разобраться, всюду здѣсь — не идолопоклонство, а инобожіе, запрещаемое словами: да не будутъ иніи бози, та самая Мамона, служа которой человекъ, по слову Спасителя, измѣняетъ прямо Богу.

или сгорять, бывають проглочены рыбами и т. п. Вопросы эти при теперешнихъ условіяхъ жизни почти неизбежно предстануть предъ ними потомъ, но уже увь!—безъ надежнаго руководства въ ихъ рѣшеніи, да чаще всего—въ соусѣ невѣрія и кощунства: поэтому и нельзя обходить ихъ, иль только мимоходомъ касаться, а больше отдѣлываться отъ нихъ, какъ это дѣлають нерѣдко. И опять-таки нужно добавить, что при такой отчетливой и живой постановкѣ эти вопросы лишь оживляютъ и чрезвычайно проясняютъ содержаніе урока. Рѣшеніемъ же ихъ чрезъ указаніе на Всемогущество Божіе дѣти обычно удовлетворяются, но въ томъ, разумѣется, случаѣ, когда это понятіе, примѣнительно къ данному вопросу, будетъ хорошо уяснено и раскрыто. Напримѣръ: воскресить всѣхъ умершихъ—это чудо, и великое чудо. Но Богъ уже показалъ намъ большее. Была пора, когда ничего не было изъ того, что видимъ; не было и той земли, изъ которой состоитъ тѣло человѣка. Однако, Богъ сказалъ Свое творческое „да будетъ“—и созданъ былъ міръ, животныя, и человѣкъ съ его душою и тѣломъ. А возстановить бывшее и лишь разложившееся на составныя частицы (элементы) легче, понятнѣе, чѣмъ изъ ничего создать вновь. Понимають дѣти и аналогію св. апост. Павла о сѣмени: нужно только отѣнить, какъ зерно остается безплоднымъ, разъ оно цѣло—не прорасло, и какъ, напротивъ, изъ него рождается новая жизнь—но тогда само оно сгниваетъ.—Добавить, конечно, законоучитель, что и тѣла людей, какъ и весь окружающій насъ міръ будутъ иныя, новыя, а какія—не открыто намъ, ибо это только бы удовлетворяло наше любопытство, намъ же знать это и не нужно; но только у праведныхъ они будутъ подобны Прославленному въ Преображеніи и Воскресшему Пречистому Тѣлу Господа (первенца изъ умершихъ), столь отличному отъ того, какое было у Него при жизни.

И такъ, и оживленіе, и интересъ дѣтей на урокахъ катихизиса возможны, и въ результатѣ—дадутъ имъ наилучшія знанія: и по отчетливости, и ясности, и по прочности того, что заляжетъ изъ нихъ для будущей ихъ, зрѣлой, жизни. Нужно только охотно и умѣло, полною рукою черпать все это изъ жизни—собственной жизни дѣтей и того, что они видятъ и знаютъ. Конкретный, наглядный матеріаль такихъ справокъ здѣсь необходимъ еще болѣе, чѣмъ въ другихъ составныхъ частяхъ нашего предмета.

**Привлеченіе къ преподаванію Катихизиса полемики сектантской.
форма преподаванія Катихизиса.**

Въ ряду тѣхъ практическихъ справокъ изъ жизни, которыя будетъ брать законоучитель для оживленія своего преподаванія Катихизиса, мы указывали и случаи пользованія воззрѣніями и особенно полемикою сектантства.—Эта послѣдняя мысль—объ ознакомленіи дѣтей со взглядами сектантовъ уже въ начальной школѣ—можетъ вызвать недоумѣнія и даже прямыя возраженія. Одни будутъ ссылаться на то, что въ начальную школу, гдѣ нужно еще закладывать самыя простыя элементы вѣры, вносить вѣроисповѣдныя разногласія и споры преждевременно. Школа должна дать лишь положительное вѣроученіе; осложнять его указаніемъ—и заповѣданіемъ—еще и соотносительныхъ отрицательныхъ ученій уже и не педагогично. Другіе будутъ недовольны главнымъ образомъ внесеніемъ въ эту школу настроенія и пріемовъ полемики, которая въ настоящее время вообще въ средѣ интеллигентной пользуется слишкомъ малымъ сочувствіемъ и кредитомъ.

Прежде разбора каждаго изъ этихъ возраженій особо, мы должны оговориться предъ всѣми—и несогласными, и согласными съ нами въ этомъ пунктѣ. Полемику сектантскую мы намѣрены брать сюда въ самыхъ скромныхъ и ограниченныхъ размѣрахъ: именно только какъ нападки сектантовъ на тѣ или другіе пункты нашей догматики, по линіи ближайшаго соприкосновенія. Ити за ними въ подробности ихъ собственныхъ воззрѣній и обоснованія таковыхъ и по нашему убѣжденію здѣсь не слѣдуетъ,—то дѣло хотя бы и народныхъ, по особымъ миссіонерскимъ курсовъ (на примѣрѣ разбора ученія сектантовъ объ иконопочитаніи мы это и видѣли). Отсюда, по существу, по составу самыхъ раскрываемыхъ на урокъ понятій и доказательствъ—содержаніе его будетъ вполне положительнымъ и вовсе не такъ уже сложнымъ.

1) Но привлекать все же сектантскіе взгляды и ихъ обычные выпады противъ излагаемой въ Православной школѣ нашей вѣроисповѣдной системы, въ такой постановкѣ и въ такихъ размѣрахъ, мы признаемъ съ своей стороны уже почти необходимымъ, по крайней мѣрѣ—въ высшей степени полезнымъ и благовременнымъ. Не будемъ уже повторять того, насколько этотъ пріемъ, какъ методическій пріемъ усвоенія ряда пунктовъ катихизиса, помогаетъ на практикѣ и оживленію, и лучшему уясненію иногда и трудныхъ, и довольно отвлеченныхъ—по шаблонному способу преподаванія—уроковъ. Но и

помимо этого, сама жизнь требует именно такой подготовки дѣтей, начиная и съ элементарной школы, которая для громаднаго большинства является вѣдь и послѣднею, высшею, такъ какъ мы знаемъ, что основная масса учащихся здѣсь ни въ какія дальнѣйшія школы уже не поступитъ. Была пора, и еще не такъ давно, одно-два поколѣнія назадъ, когда для такихъ простецовъ подобная подготовка и не требовалась. Тогда всюду, въ основной массѣ православнаго люда, сплошь преобладала вѣра традиціонная, вѣра отцовъ. Тогда, за рѣдкими исключениями, всѣ, кто рождались въ Православіи, въ Православіи и жили, отъ колыбели и до гроба; вѣру свою они воспринимали и усвоили такъ же незамѣтно и чуть не такъ же рано, какъ и крещеніе. И разъ вѣра эта—исконная вѣра святой Руси, отцами преданная и неизмѣнно сохраненная, то по отношенію къ ней въ этой основной и сплошной толщѣ народной не являлось ни критики, ни сомнѣній. Не отъ чего тогда, въ этомъ случаѣ и въ этомъ отношеніи, было тогда ни оберегать, ни тѣмъ болѣе—предохранять его.

Теперь не то. Теперь вокругъ каждаго изъ насъ, и не только въ интеллигенціи, но и у „православныхъ“, какъ зовутъ въ домовыхъ церквахъ простой народъ въ отличіе отъ „господъ“, разлилось и уже бушуетъ грозно невѣріе и критика, и явилась, въ виду той традиціонной неподготовленности массы къ отиору, удивительная и болѣе чѣмъ грустная податливость на всякаго рода сомнѣнія и нападки. Теперь, какъ пастырь о своихъ прихожанахъ, такъ и законоучитель о своихъ питомцахъ не только не можетъ ни за кого поручиться, что они навсегда останутся въ Православіи безъ всякихъ сомнѣній и борьбы, но болѣе того: о каждомъ изъ нихъ долженъ думать, что и онъ навѣрно будетъ испытывать и переживать воздѣйствія этого общаго духа невѣрія или критики, что въ той или иной степени, въ той или иной постановкѣ—то какъ возраженія инославныхъ, то какъ сомнѣнія больного вѣрой изъ своихъ,—они и его коснутся. А здѣсь, въ нашемъ Амурскомъ краю это особенно вѣроятно—до несомнѣнности: или съ баптистами, или съ молоканами, или съ другими сектантами—но всякій изъ жителей непременно столкнется.

Отсюда является положительно необходимою и для школы своего рода профилактика духовная, какъ мѣра предохраненія отъ заразы какимъ-нибудь заблужденіемъ, прежде всего—въ видѣ того же сектантства. Нужно стремиться къ тому, чтобы на такой случай столкновенія съ иновѣріемъ и этотъ нашъ Петръ Ивановъ или Василій Осиповъ былъ бы до извѣстной степени подготовленнымъ,—пройдя свой курсъ Закона Божія, сумѣль-

бы отвѣтить вопрошающему, что почитая святыхъ, мы вовсе не измѣняемъ Богопочтенію, что у насъ нѣтъ идолопоклонства, что молиться нужно всѣмъ другъ за друга, и живымъ за умершихъ, такъ чтобы дѣти сроднились съ мыслию о необходимости поминовенія—близкихъ, любимыхъ и т. д. На столько, на сколько нужно, школа его приготовить можетъ: и должна, ибо послѣ всѣхъ этихъ дѣтей освѣдомить такъ нигдѣ и никто не въ состояніи, не только не сдѣлаетъ этого, но и физической возможности не будетъ имѣть такъ приготовить.

2) Неосновательными представляются намъ и опасенія того, будто-бы съ введеніемъ такого обороняющаго Православіе элемента въ преподаваніе Катихизиса внесется постановка, не соотвѣтствующая вообще духу школы. Что касается самаго духа полемики и раздоровъ, то очевидно, при нашемъ способѣ и размѣрахъ примѣненія элемента инославнаго, его и быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы, въ отдѣлѣ о молитвахъ за умершихъ, укажемъ своимъ обычнымъ приемомъ: вотъ сектанты говорятъ, что молится можно только за себя, а потомъ—живымъ за живыхъ, а потомъ—напомнимъ слова Спасителя, что Богъ—не есть Богъ мертвыхъ, а Богъ живыхъ¹⁾, да проанализируемъ заповѣдь ап. Іакова: „молитесь другъ за друга²⁾“, и при свѣтѣ этихъ положеній выяснимъ психологическую естественность и необходимость молитвы за родителей, за воиновъ, которые пали, обороняя вѣру, царя и отчество: развѣ будетъ у насъ культивироваться этимъ духъ какихъ-нибудь распрей и споровъ? Развѣ не выиграетъ лишь рѣшеніе вопроса въ своей ясности, отчетливости и живости отъ такого сопоставленія?

Но есть другая сторона въ подобной постановкѣ дѣла, къ которой опять-таки можно относиться неодинаково. Подобными сопоставленіями нашихъ истинъ съ воззрѣніями обществъ внѣцерковныхъ, а особенно защитою ихъ, наряду съ съ отчетливостью и прочностью знанія этихъ истинъ, развивается въ учащихъ и любовь къ нимъ и какъ бы любованіе ими. Защитники Православія становятся какъ бы кровно сроднившимися съ нимъ, смотрятъ на данное ученіе, именно какъ на свое, родное, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ сознательно подмѣчать и цѣнить въ немъ дѣйствительное сокровище истины. Въ дѣтскую душу глубоко закладываются корни живой и твердой вѣры, начала крѣпнущей убѣжденности, которая сдѣлаетъ ихъ на послѣдующее время не только вѣрными

¹⁾ Мте. XXI, 32. ст.

²⁾ Іакова V, 16.

ученію Православія, но и ревнителями о немъ, сознательными его защитниками.

Вотъ это-то настроеніе, залогъ будущей не только любви къ своей вѣрѣ, но и прямой ревности о ней, и расцѣпывается различно. Въ то время какъ мы, люди церкви, для которыхъ дѣло истиннаго преуспѣянія ея—высшее благо земной жизни и исторіи, этому можемъ только радоваться, считать такой результатъ воспитанія школы ея высшею нормою и идеаломъ,—люди принципиально-«свѣтскаго» образа мыслей, для которыхъ религія существуетъ между прочимъ (не говоримъ уже о тѣхъ, кто въ злобномъ предубѣжденіи смотритъ на нее даже, какъ на препону къ правильному развитію народа, по крайней мѣрѣ—къ достиженію собственныхъ цѣлей ихъ)—склонны считать такую убѣжденность дѣтей скорѣе недостаткомъ, нежелаемымъ явленіемъ въ школѣ. Для многихъ, такимъ образомъ, эта разсматриваемая нами, повышенная религіозная настроенность дѣтей представляется уже односторонностью, заставляющей опасаться развитія въ нихъ фанатизма.

Въ общественномъ настроеніи и взглядахъ въ настоящее время особеннымъ почетомъ пользуется терпимость. Говорятъ: всякій нормальный, правильно воспитанный человѣкъ долженъ непремѣнно быть безпристрастнымъ, чуждымъ былыхъ предразсудковъ и предубѣжденій, и отнюдь не долженъ навязывать другимъ своихъ вѣрованій и убѣжденій; долгъ и норма для каждаго—быть въ отношеніи къ другимъ толерантнымъ—терпимымъ. И дѣйствительно, терпимость—это неоспоримое и великое достоинство, показатель здраваго образа мыслей и извѣстнаго благородства въ душѣ человѣка. Но, господа, есть терпимость и терпимость. Она—достоинство, когда вытекаетъ изъ разносторонности, правильности и широты взглядовъ, когда основа ея—уваженіе къ мнѣнію другого, насколько въ этомъ мнѣніи предполагается его законное убѣжденіе, какъ субъективное воспріятіе истины. Никто не далъ мнѣ права думать о себѣ выше, чѣмъ о другихъ, ставить себя судьей ихъ, тѣмъ болѣе—деспотически (по-нѣмецки) распоряжаться ихъ внутреннею жизнью. Съ другой стороны за рѣдкими, именно исключительными, исключеніями, во взглядахъ и убѣжденіяхъ людей, на нашъ взглядъ, даже явно заблуждающихся и грѣшащихъ, всегда есть нѣчто положительное, своя доля истины. Отсюда, если мы, желая воздѣйствовать на нихъ, „обратить“ ихъ, будемъ все лишь отрицать да порицать, мы заранѣе обрекаемъ себя на безуспѣшность. Оттого-то такъ безплодны наши обычные, въ томъ числѣ и религіозные, споры. Противнику не удѣляется должнаго вниманія и уваженія, не при-

слушиваются къ его убѣжденіямъ и тогда, когда они справедливы; каждый ведетъ лишь свою линію.— Спорить можно и должно; въ такомъ перекрещиваніи мнѣній и познается истина. Но стоять и искать, вообще служить нужно только истинѣ; и разубѣжденіе противника, разъ видимъ его заблужденіе, нужно вести бережно и осмотрительно,—такъ, чтобы не задѣть въ немъ той правды, на которой всего больше укрѣпилось его сердце.—Сначала всегда выдѣлать и принять зерно истины, а тогда уже устранять, вскрывая всю ложь и пустоту той шелухи и грязи, какія къ нему приросли и присосались.

И особенно такая широта и терпимость необходимы и на-особицу должны быть свойственны для христіанина, и именно въ духѣ ученія православной Церкви. Для христіанина каждый такой заблуждающійся—только больной и немощный братъ, но такое же, какъ онъ самъ, чадо Небеснаго Отца, искупленное кровію Христовой. Онъ долженъ всегда высоко ставить личность этого брата, а не презирать его, прежде и больше всего признавать его, какъ русскій человекъ называлъ и каторжниковъ и заключенныхъ, „несчастненькимъ“. И высоко предъ нимъ должно стоять, какъ идеаль и норма, правило святыхъ отцовъ, незыблемыхъ авторитетовъ церкви: съ заблужденіемъ борись, его ненавидь, но самого заблуждающагося—люби¹⁾.

Но такая, истинная и благородная терпимость,—рѣдкое качество, рѣдкое явленіе въ жизни. Обычно же, теперь въ 90, если не 99-ти случаяхъ изъ ста, подъ ея именемъ фигурируетъ предъ нами жалкій суррогатъ ея, когда терпимость становится уже духовной немощью и недостаткомъ. Это—терпимость нравственнаго безразличія, бездушія жизни, той библейской теплохладности, о коей сказано было ангелу Лаодикійской церкви: знаю твои дѣла, ты ни холоденъ, ни горячъ: о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но какъ ты теплъ (какъ непріятная теплая вода во рту), а не горячъ и не холоденъ, то „изплевати тя имамъ изо устъ моихъ“²⁾. Въ то время, какъ истинная терпимость вытекаетъ изъ уваженія къ личности другого, изъ братскаго отношенія къ нему, эта терпимость столь извѣстнаго намъ полного безразличія, индифферентизма, цѣликомъ покоится на гораздо болѣе легкомъ и дешевомъ-совершенномъ невниманіи къ его судьбѣ и жизни, сытомъ самодовольствѣ и отвратительномъ, узко-ло-

¹⁾ См. напр. проф. В. Кипарисова. Освободѣ совѣсти. Сергіевъ Посадъ-въ Редакціи Богословскаго Вѣстника (книги подъ руками нѣтъ).

²⁾ Апокалипсисъ. Гл. III, ст 15—16.

бомъ и эгоистическомъ, принципъ: „моя хата съ краю, —я ничего не знаю“. Тогда какъ тамъ въ основѣ лежитъ правило: „я уважаю истину и въ другомъ, такъ какъ цѣню ее, живу ею въ себѣ“, здѣсь по существу—лишь полный отказъ отъ той истины, лишь голое и мертвое: „мнѣ все равно“. Да, терпимость—есть достоинство и украшеніе человѣческихъ отношеній, есть лучший показатель высокой духовной культуры: индифферентизмъ же—самый явный аттестатъ полной внутренней безсодержательности и безцвѣтности, убожества, вялости и нищеты духа.

Убѣжденный и искренній человѣкъ не можетъ не любить этихъ своихъ убѣжденій, которыя стали для него кровію его сердца; вѣра его—душа его, святое святыхъ, которое всего для него дороже. И въ обиду, на поруганіе онъ этой своей святости не дастъ,—иначе это уже не святость, не убѣжденіе, вросшее въ душу, а всплескъ мысли и формальное, только внѣшнее, запомнаніе словъ, образовъ и ихъ построеній. И опять скажемъ: задача школы въ дѣлѣ религіознаго воспитанія дѣтей не въ томъ, чтобы только пройти положенные курсы, багажъ памяти ихъ набить большимъ или меньшимъ количествомъ историческихъ, нравоучительныхъ, догматическихъ мыслей и знаній. Конечно, чѣмъ больше и яснѣй запомнить, тѣмъ лучше: но главное-то здѣсь—привить все это ихъ сердцу и настроенію, т. е. именно перевести всѣ эти мысли и положенія на степень живыхъ вѣрованій и убѣжденій.—Фанатизма бояться здѣсь нечего: не тотъ духъ нашей церкви, не тѣ люди—сами преподающіе, не тотъ вѣкъ, не та и школа.

Итакъ, сама жизнь—даже та скромная и сѣрая сельская жизнь, въ которой вращается основная масса учениковъ нашей начальной школы,—съ ея готовыми наглядными иллюстраціями къ тѣмъ или другимъ страницамъ курса, съ практическимъ выявленіемъ болѣе трудныхъ пунктовъ его—въ свѣтъ разоблаченія заблужденій разнаго рода иновѣрцевъ даетъ въ руки преподающему Катихизисъ самый обильный и разносторонній матеріалъ для освѣщенія и оживленія его уроковъ. Берите—и примѣняйте. И нужно только удивляться на тѣхъ законоучителей, которые проходятъ мимо этого богатства и взамѣнъ живой, содержательной и серьезной работы усыпляютъ, да еще къ завершенію всего курса своего предмета, дѣтей, у которыхъ уже пробудилась любознательность и запросы,—элементарнымъ переводомъ и раскрытіемъ ближайшаго смысла длиннаго ряда славянскихъ выраженій.

—Остается намъ теперь побесѣдовать съ Вами о формѣ, въ какой должно вестись преподаваніе Катихизиса.

Въ послѣднее время и въ Катихизисѣ, вслѣдъ за другими предметами, гдѣ діалогическая форма изложенія не примѣняется, преобладающимъ является стремленіе вести всю классную работу—и собственную рѣчь учащихся, и отвѣты учениковъ—пріемомъ монологическимъ. Учитель „разсказываетъ“ новый урокъ; ученикъ, повторяя, а особенно приготовивъ дома, также „разсказываетъ“ его въ своемъ отвѣтѣ, и только если онъ сбился или забылъ, о чемъ говорится дальше, то, какъ и всюду, учитель вопросомъ помогаетъ ему сдвинуться и тѣмъ же монологомъ брести впередъ, до конца урока. А между тѣмъ большинство учебниковъ по катихизису, начиная съ главнѣйшаго—митрополита Филарета (и „Катихизиса“ и „Начатковъ“) —излагаются все еще въ формѣ діалогической, вопросоотвѣтной. Спрашивается, какой отдать намъ предпочтеніе, признавъ ее болѣе подходящей для изученія нашего предмета?

Прежде всего, нужно замѣтить, что преподаваніе и по той и по другой, и законоучитель не погрѣшитъ, избересть ли онъ здѣсь для своего преподаванія монологъ или діалогъ. Но все же намъ представляется здѣсь болѣе подходящею вообще форма діалогическая. Особенно нежелательна отмѣна ея въ учебникахъ для самихъ учащихся, хотя, съ другой стороны, примѣненіе ея должно быть поставлено такъ, чтобы переходъ для нихъ на отвѣтъ монологическій былъ нетруденъ, не требовалъ той передѣлки текста изложенія, какая необходима, напримѣръ, въ Катихизисѣ митрополита Филарета.

Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основывается и чѣмъ вызывается замѣна діалогической формы изложеніемъ повѣствовательнымъ?

Главнымъ образомъ ссылаются здѣсь на пріученіе дѣтей къ гладкому, правильному по построенію и связному отвѣту. И дѣйствительно, если заставить ученика отвѣчать монологически, и онъ въ отвѣтъ самъ себя будетъ спрашивать и себѣ же отвѣчать,—впечатлѣніе получается прямо непріятное, некрасивое. И наоборотъ, когда ведетъ онъ свою рѣчь безъ такихъ перерывовъ, какъ бы спотыканій, то при хорошемъ отвѣтѣ рѣчь ведется плавно и гладко,—пріученіе ученика говорить такъ, очевидно, имѣетъ здѣсь мѣсто. Но по существу, преобладаніе, побѣда монолога надъ діалогомъ въ Катихизисѣ вызывается на нашъ взглядъ, болѣе, скажемъ—профессионально-практическими побужденіями. Такъ удобнѣе и легче,—проще, для учащихся; а этимъ, какъ и вездѣ, и рѣшается дѣло.

Но собственно педагогическая цѣнность такой замѣны, на нашъ взглядъ, подлежитъ большому сомнѣнію. Пусть выработка, наламываніе языка у учениковъ при ней выигрываетъ

хотя бы и значительно (хотя связность изложения здѣсь въ очень сильной степени достигается за счетъ правильности построения отдѣльныхъ предложеній): но вѣдь это—задача болѣе, чѣмъ второстепенная, совсѣмъ добавочная и привносная отвѣтъ. Какую же цѣль признать намъ здѣсь, со стороны той же формы усвоения учебнаго матеріала, основною, первостепенною? Думается, всякій согласится, что всего важнѣе въ этомъ случаѣ—точность и правильность, а въ связи съ этимъ—отчетливость и раздѣльность представленія дѣла. Совершенно справедливо говорить Шопенгауеръ, что говорить правильно и ясно это значитъ правильно и ясно мыслить. Первая же задача катихизиса для дѣтей и есть—узнать и усвоить точное ученіе нашей Православной вѣры. Нужно ли же ставить еще вопросъ, гдѣ же больше этой точности и ясности: тамъ ли, гдѣ данное положеніе является довлѣющимъ и законченнымъ выраженіемъ излагаемой истины, или же тамъ, куда оно входитъ, какъ составное звено въ нить „разказа“?

Но спрашивается, если принять для уроковъ эту діалогическую форму изложения, какъ, прежде всего, совмѣстить ее съ установленными нами выше приѣмами—привлеченія къ уроку соответствующихъ „припоминаній“ матеріала изъ пройденныхъ отдѣловъ и пропитыванія его справками изъ жизни? Вѣдь все это—отнюдь не предусматривается вопросо-отвѣтами любого руководства и даже обычно не укладывается въ ихъ рамки.

Однако затрудненіе здѣсь скорѣе только кажущееся. Когда мы говорили о примѣненіи вопросоотвѣтной формы для уроковъ, то, само собою разумѣется, имѣли въ виду учащихся, а не самого законоучителя. Вѣдь никто не говоритъ, что самъ преподающій не можетъ, или же можетъ съ трудомъ, вставлять свои добавленія и наслоенія къ уроку—при повѣствовательной формѣ его изложения. Въ данномъ же случаѣ къ составнымъ пунктамъ такого повѣствованія только вставляются отчеканивающіе эти пункты вопросы: гдѣ же тутъ и затрудненіе? И въ частности, припоминаніе, какъ подготовительная и вводящая часть новаго урока, очевидно, останется по прежнему въ началѣ его. Всѣ же разьясненія, примѣры, возраженія легко и естественно будутъ вводиться послѣ того или другого очереднаго вопроса (да самъ законоучитель, при своемъ объясненіи, и не обязанъ непременно, рабски ставить его). Уклонъ работы въ каждомъ составномъ подотдѣлѣ урока будетъ направляться въ сторону соответствующаго, представляющаго нужную правильную формулировку того, что разьяснялось здѣсь, „отвѣта“ учебника (при чемъ, если тамъ выражено

неточно, слѣдуетъ пополнить или исправить). Съ „отвѣтами“ этими и долженъ считаться законоучитель, когда онъ „объясняетъ“ новый урокъ дѣтямъ.

Теперь остается послѣдній, какъ будто самый простой, но и самый ядовитый по существу вопросъ: какъ же спрашивать ученика учителю при такой діалогической формѣ учебника? Впрочемъ, что касается вопросовъ тутъ же послѣ объясненія — при описанной нами ранѣе катехизаціи такого урока (—по катихизису ее нужно вести такъ же, какъ и по священной исторіи), то и здѣсь затрудненія опять-таки нѣтъ: катехизація эта только облегчается тѣмъ, что при ней — наводящіе вопросы можно ставить, пользуясь уже готовыми вопросами учебника. И такимъ образомъ поставленный нами вопросъ еще болѣе суживается, ставится въ еще болѣе тѣсныхъ рамкахъ: какъ спрашивать у учениковъ урокъ, приготовленный ими дома?

— Естественной и самой простой здѣсь способъ, конечно, такой: учитель ставитъ соответствующіе (то есть по очереди изъ учебника) вопросы, а ученики ему отвѣчаютъ. И въ самомъ дѣлѣ, заставлятъ самихъ учениковъ спрашивать такъ самихъ себя, какъ мы уже говорили, — пріемъ совсѣмъ уже странный, прямо рѣжуцій своею искусственностью и шероховатостью (хотя его иногда и примѣняютъ, за неумѣньемъ пользоваться лучшимъ). Заставляютъ готовить урокъ по вопросу-отвѣтамъ, а потомъ самими передѣлывать ихъ въ связную монологическую рѣчь (какъ, бывало, поступали съ нами) — безжалостно по отношенію къ дѣтямъ и нецѣлесообразно: подростокъ въ 11—12 и даже 14—15 лѣтъ на такую вербальную гимнастику неспособенъ — тѣмъ болѣе, что матеріаль для нея здѣсь, въ катихизисѣ, слишкомъ мало пригоденъ: отвлеченный, сложный и негибкій. Поступающіе такъ съ дѣтьми, по нашему мнѣнію, прямо грѣшатъ противъ нихъ. Да наконецъ вспомнимъ еще разъ о цѣли, для какой преподается весь этотъ катихизисъ. Вѣдь мы добиваемся у нихъ — не мастерства въ конструированіи даваемого матеріала, не послѣдовательности въ передачѣ ряда тѣхъ или иныхъ истинъ (напротивъ, мы любимъ ихъ спрашивать „въ разбивку“). Нѣтъ, намъ нужно, чтобы они истины эти знали, знали хорошо — т. е. отчетливо, ясно, точно. — Тогда и спрашивайте ихъ такъ, чтобы именно такіе катихизическіе — точные, правильные и сжатые отвѣты и давались ясно, что разъ такъ отвѣчаютъ, — такъ и знаютъ.

Нечего и говорить, далѣе, о томъ, что для учениковъ такой способъ былъ бы самый легкій и самый желательный. Вопросъ учителя по каждому отдѣльному пункту сразу ставилъ бы ихъ на рельсы, идея отвѣта при мало-мальски вни-

мательномъ отношеніи ихъ къ дѣлу, всплывала бы сама собою, сравнительно легко и просто давалась бы имъ и нужная формулировка—буквальная или близкая ей по составу и строю.

Вотъ только отъ учителя тогда, дѣйствительно, требовалось бы довольно много,—куда больше, чѣмъ теперь, когда онъ, вызвавъ ученика отвѣчать заданной урокъ или продолжать отвѣтъ товарища, самъ можетъ относиться на это время къ теченію рѣчи довольно пассивно,—только слушать да направлять ученика, если рѣзнула ухо его ошибка, да и то не всеъ утруждаютъ себя такой черновой работы. Тогда учителю придется все время не только слѣдить за отвѣтомъ, но и направлять его, активно вмѣшиваться своими вопросами. А главное: тогда учащимъ придется самимъ точно—куда точнѣе лучшихъ учениковъ—знать текстъ задаваемыхъ уроковъ по учебнику. Вѣдь спрашивать по книжкѣ—и скучно, и прямо унижительно—и предъ учениками, и предъ собою, значить, придется уроки самимъ во-время и точно готовить, а этого-то у насъ дѣлать и не любятъ.—Впрочемъ, и предъ ревизующими еще можно оказаться въ невыгодномъ положеніи. Они вѣдь тоже ждутъ и цѣнятъ все тѣ же гладкіе и связные отвѣты, и легко могутъ вывести заключеніе, что должно быть классъ подготовленъ плохо, разъ учитель при отвѣтахъ ученикамъ такъ „помогаетъ“.

Но есть, однако-же, способъ учащимъ и освободить себя отъ такой малопривлекательной черновой работы, удержавъ въ то же время діалогическую форму спросоотвѣта. Вѣдь и на самомъ дѣлѣ, вполне возможны случаи, когда учитель имѣетъ и законное, такъ сказать, право облегчить въ этомъ случаѣ себя: напр., утомленъ предшествующей напряженной работой или долженъ беречь силы къ послѣдующей. Почему не предоставить ему тогда не только давать отвѣты изъ урока, но и ставить самые вопросы, ученикамъ же, но только не одному вопрошать себя, а другому—на то и вызванному.—Въ настоящее время подобное примѣненіе самодѣятельности учащихся, въ старой школѣ практиковавшееся въ широкихъ размѣрахъ, совершенно у насъ устранено. И разумѣется, перекладывать на плечи учениковъ свою работу, и особенно заглазно, совсѣмъ освобождая себя отъ участія въ ней (какъ было это въ дореформенномъ аудиторствѣ),—было бы теперь дѣломъ прямо дикимъ, анахронизмомъ,—антипедагогичнымъ вообще, грѣхомъ учителя предъ учениками—и провѣряющими и выправляемыми,—въ частности. Но закономѣрно, умѣло, съ стремленіемъ извлекать пользу для всѣхъ дѣтей, т. е. и для самихъ помогающихъ, учитель, конечно, можетъ примѣнять эту помощь съ пол-

нымъ нравственнымъ правомъ. И тѣ, кто привлекалъ такъ дѣтей къ спросу своихъ товарищей, свидѣтельствуя, что пріемъ этотъ оказывался (но опять-таки при внимательномъ и т. ск. сочувствующемъ, ободряющемъ живою отзывчивостью, отношеніи учителя) чрезвычайно полезнымъ. Классъ оживлялся, будилось благородное соревнованіе и у спрашивающихъ, и у отвѣчающихъ, и дѣти сами стремились выудить другъ у друга и такія знанія, такія объясненія учителя или матеріалъ давно-пройденный, какихъ, можетъ быть, самъ учитель и не сталъ бы такъ выспрашивать—за «трудностью» для учениковъ.

Такимъ образомъ, сохраненіе вопросоотвѣтной формы преподаванія за катихизисомъ, по нашему мнѣнію, и возможно и желательно, прямо полезно для дѣла. И думается, это было бы въ данномъ случаѣ только здоровымъ консерватизмомъ, ибо вѣдь катихизисъ разумѣлся всегда — и въ древне-греческой, и древне-русской церкви прежде всего и типичнѣе всего изустнымъ наставленіемъ *въ вопросо-отвѣтной формѣ*. Иначе отъ катихизиса, какъ катихизиса, не останется уже и формы.

Протоіерей *Н. Вознесенскій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На свѣжую могилу великаго борца за народную трезвость М. Д. Челышева.

(Слово, произнесенное предъ панихидой, совершенной въ Казанскомъ соборѣ митрополитомъ Владимиромъ въ сослуженіи епископа Веніамина.)

*Молитву пролію ко Господу
и Тому возвѣщу печали моя*.
(Ирмосъ 6-й пѣсни канона).*

Сюда, въ этотъ храмъ, съ его великой для русскаго вѣрующаго сердца исторической святыней, куда мы привыкли во дни народныхъ бѣдствій приносить наши общественныя мольбы и скорби, насъ собрала сейчасъ печальная вѣсть о кончинѣ бывшаго члена 3-й Государственной Думы Михаила Дмитріевича Челышева. Эта вѣсть облетѣла уже всю Россію и во многихъ общественныхъ кругахъ вызвала искреннее чувство сожалѣнія и даже скорби. Охваченные такимъ настроеніемъ и мы пришли сюда, дабы молитвенно почтить память такъ неожиданно и безвременно скончавшагося великаго борца за народную трезвость.

Покойный былъ не только вѣрующимъ христіаниномъ, но и великимъ гражданиномъ свято-русской земли, а потому и наша сегодняшняя молитва о немъ является вмѣстѣ и христіанскимъ, и гражданскимъ долгомъ предъ его памятью.

Что же этого простого владимірскаго „мужика“, какъ иногда не стѣснялся называть себя почившій, изъ безграничнаго океана безвѣстности подняло, вознесло на высоту широкой популярности, а, можетъ быть, даже историческаго бессмертія? Что сдѣлало его жизнь крупнымъ общественнымъ явленіемъ, а смерть предметомъ нашей національной скорби.

Дать болѣе или менѣе обстоятельный отвѣтъ на эти вопросы и очертить кипучую дѣятельность М. Д. Чельшева для настоящаго церковнаго слова—задача непосильная. Но если бы надо было кратко, въ вынужденной конкретной формѣ выразить самый характеръ, такъ сказать, психологическую сердцевину, суть его общественной работы, ея внутренніе мотивы, то едва ли бы кто сумѣлъ сдѣлать такую характеристику лучше, чѣмъ удалось это самому Михаилу Дмитриевичу по одному случайному поводу въ его жизни. Вспоминается тотъ моментъ, когда съ высоты престола объявлена была русскому народу великая царская милость—повсемѣстное запрещеніе виноторговли. Россія съ чувствомъ восторженной радости привѣтствовала Государеву волю. Страна полной грудью, облегченно вздохнула и въ блаженномъ спокойствіи отдыхала отъ поголовнаго пьянства, въ дикій вихрь котораго захвачена была раньше вся русская жизнь. Но вотъ въ обществѣ забродили тревожные слухи. Пасынки Россіи, за интересы своего капитала готовые продать ея историческое величіе и первородство, дѣйствовали сплоченными силами, ратуя за разрѣшеніе продажи хотя бы слабыхъ алкогольныхъ напитковъ. Михаилъ Дмитриевичъ чутко насторожился. Онъ понималъ, что черезъ эту щель вновь прорвется и хлынетъ неудержимымъ потокомъ алкогольная отравка въ народную среду и въ одинъ моментъ смететь, уничтожить все блага послѣдствія запрещенія виноторговли. Отзвуки движенія, направленнаго противъ установившейся трезвости, стали встрѣчаться и въ печати. Полный тревоги почившій прибылъ въ Петроградъ, и мы съ нимъ вмѣстѣ предприняли рядъ шаговъ къ „власть имущимъ“, дабы своими представленіями предупредить возможность ослабленія и ограниченія запретительной мѣры. Во время этихъ нашихъ путешествій по министерствамъ, помню, въ трамваѣ одинъ незнакомый почтенный генералъ, по характерной и типичной наружности узнавшій въ Чельшевѣ великаго борца за народную трезвость, пожимая ему руку, произнесъ: «Вы гордость Россіи». Сказано было, можетъ быть, очень сильно! Умный и скромный Михаилъ Дмитриевичъ напелся поправить генерала: „нѣтъ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ онъ,—не гордость, а слуга русскаго народа“.

А теперь мы, „взирая на скончаніе жителства“ (Евр. XIII, 7) этого незабвеннаго поборника трезвости, имѣемъ полное право, если не внести новую поправку въ сдѣланное имъ опредѣленіе, то расширить его. Михаилъ Дмитріевичъ Челышевъ былъ не только вѣрный слуга Россіи, но и сынъ ея, притомъ любящій Россію беззавѣтно и преданный ей. Онъ не былъ Хамомъ, осмѣявшимъ паготу отца своего: онъ могъ только горькими, искренними слезами оплакивать несчастія и горе своей родины. Подобно блудному сыну евангельской притчи, онъ не ушелъ „въ страну далече“ отъ священно-историческихъ завѣтовъ родного очага своего. Онъ весь былъ пропитанъ православно-русскимъ духомъ и печать родного быта лежала на всей его жизни. Не иначе, какъ осѣняя свою богатырскую грудь широкимъ православнымъ крестомъ, подходилъ онъ къ каждому дѣлу. Можно сказать, что онъ весь, безраздѣльно до послѣдняго волоска, принадлежалъ Православной Россіи, вскормившей и вскормившей его на своей многострадальной груди.

И это она, наша родная матушка-Волга русская полица и кормилица, на высокихъ берегахъ которой выросъ Михаилъ Дмитріевичъ Челышевъ,—это она своими бурями и широкимъ разливомъ, стихійной музыкой и грознымъ ревомъ своихъ многотуманныхъ волнъ напѣла и въ его мощную грудь тѣ смѣлыя мысли и думы, которыя онъ съ такимъ искреннимъ дерзновеніемъ изливалъ потомъ съ высоты думской народной трибуны. И его горячее сердце, широкое, какъ широки и неоглядны заволжскія дали, не могли не вмѣстить въ себя скорбь о страшномъ недугѣ—народномъ пьянствѣ. И на борьбу съ этимъ зломъ онъ отдалъ все свое разумѣніе, все свои силы. Его заслуга здѣсь не можетъ быть измѣрена сейчасъ. Плоды его общественной работы, своимъ вліяніемъ уходящей въ глубь жизни, намъ не перечесть. Полная оцѣнка его подвига возможна лишь въ неизбѣтной исторической перспективѣ. Только съ высокихъ вершинъ исторической дали все дѣло покойнаго можетъ открыться во всемъ своемъ величій. Правда, и до него церковныя общества старались сѣять въ народное сознаніе идеи трезвости, но презрительная насмѣшка и высосомѣрное невѣжество окружающей среды глушили эти сѣмена, не давая имъ богатаго всхода. На вопросъ борьбы съ народнымъ алкоголизмомъ у насъ привыкли смотрѣть свысока, считая этотъ вопросъ мелкимъ и недостойнымъ серьезнаго общественнаго вниманія. Но Михаилъ Дмитріевичъ поднялъ этотъ вопросъ на высоту вопроса государственнаго. Онъ заинтересовалъ имъ всю Россію. Онъ такъ громко и такъ властно поз-

валъ всѣхъ на борьбу съ нашимъ общественнымъ недугомъ, что общественное вниманіе встрепенулось и, въ предчувствіи ужаса, трепетно насторожилось. Онъ сумѣлъ истинную нужду народную довести до верховъ власти и раскрыть ее съ такою силой, что надъ вопросомъ объ ея удовлетвореніи заставилъ задуматься даже представителей нашего государственнаго строительства. Мало того. На борьбу съ этимъ врагомъ народнаго благосостоянія, а главное, врагомъ твердаго стоянія русскаго народа въ вѣрѣ и жизни христіанской онъ двинулъ не только просвѣтительныя силы страны, но и мощную силу законодательства. Въ благодарность за это въ бѣдныхъ деревенскихъ хатахъ и рабочихъ каморкахъ еще при жизни покойнаго много теплилось свѣчъ, возжженныхъ съ молитвой о здоровьѣ великаго поборника народнои трезвости. Мы вѣримъ, что эти молитвенныя свѣчи не угаснутъ и теперь, а будутъ постоянно пылать, напоминая о сгорѣвшемъ на тяжкомъ подвигѣ за благо народное великомъ русскомъ гражданинѣ.

Мы больше не увидимъ теперь сановитой и типичной фигуры Михаила Дмитриевича, одѣтаго всегда въ нашу русскую поддевку. Не услышимъ его мощнаго, волнующаго голоса. Онъ больше не броситъ намъ своего огненнаго, опаляющаго слова. Но если смолкли его уста, то пусть несмолкаемо звучитъ въ нашей памяти его призывъ къ трезвости, съ которымъ онъ обратился съ трибуны Государственной Думы ко всей странѣ... А его величавый образъ, въ которомъ воплотилось столько нашей родной красоты и мощи, пусть укрѣпляетъ въ насъ вѣру въ неизбитыя силы русскаго народа. Нѣтъ, русскій народъ не мертвецъ, — какъ недавно клеветнически назвалъ его одинъ изъ правительственныхъ представителей Болгаріи, искупленной отъ турецкаго гнета русской кровью, но съ іудинной неблагодарностью на насъ же поднявшей свою грязную пята. Не можетъ быть мертвецомъ тотъ народъ, изъ среды котораго выходятъ такіе богатыри мысли и воли, такіе живые носители національныхъ идеаловъ, какъ Михаилъ Дмитриевичъ Челышевъ. Пусть память о немъ долго живетъ въ русскомъ народѣ, а особенно среди дѣятелей трезвеннаго движенія, которому онъ оказалъ незабвенную услугу. Одушевленные его подвигомъ русскіе представители этого движенія всѣ силы должны напрячь и направить къ тому, чтобы законъ принудительной трезвости сдѣлался закономъ сознанія и воли народнои.

А сейчасъ *„молитву проліемя ко Господу“*, дабы Онъ, Милосердный, *„извелъ отъ тли животъ“* усопшаго раба своего Михаила, всѣ силы послѣднихъ лѣтъ своей жизни поло-

жившаго на то, чтобы избавить нашу родину отъ растлѣвающихъ вліяній пьянственнаго быта! Аминь.

Протоіерей П. М.

Религіозная потребность времени.

Свѣтская и духовная печать единодушно утверждаютъ, что переживаемая нами міровая война вызвала въ русскомъ народѣ высокій подъемъ религіознаго чувства, который не только не ослабѣваетъ, но все растетъ. Наши доблестные воины молятся сами, просятъ молитвъ другихъ, благодарятъ за молитвы и благословенія, а въ бой идутъ съ крестомъ и молитвою. Городскія и сельскія церкви въ праздничные дни полны народомъ; усердно стали посѣщать богослуженія даже такіе люди, которые по цѣлымъ годамъ не заглядывали въ храмъ Божій. Сердца людскія отрезвились, стали мягче и отзывчивѣе на все доброе. „Теперь въ нашу жизнь“, говоритъ „Церк. Вѣст.“, „ворвалась новая стихія, въ ней пробудились новыя силы, явилось движеніе, безусловно идущее навстрѣчу вѣчнымъ интересамъ Церкви... Предчувствіе новой жизни носится въ воздухѣ, сдѣлалось основнымъ элементомъ настоящаго настроенія. Возможно, что мы накануне возрожденія нашей исконной православной вѣры,—торжества въ нашей жизни религіозно-церковныхъ началъ“.

А если это такъ, то для представителей и руководителей церковной жизни было бы непростительной ошибкой не использовать настоящаго момента для сохраненія и углубленія въ народной душѣ нынѣшняго религіознаго настроенія. И первое, что слѣдуетъ сдѣлать представителямъ Церкви, это—обратиться къ народу *съ простымъ задушевнымъ словомъ живой проповѣди*.

Жизнь требуетъ живого слова, ибо жажда религіознаго наученія пробуждается въ народѣ съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе. Она гонитъ народъ на сектантскія радѣнія, заставляетъ его принимать самыя странныя и дикія ученія, идти отъ своего священника къ какому-либо страннику или братцу. Эта же религіозная жажда, мало и плохо удовлетворяемая духовенствомъ, рождаетъ всевозможныя неудовольствія и питаетъ постоянное раздраженіе противъ священника въ приходѣ. Почему же духовенство остается глухо къ этой религіозной потребности времени? Учитъ же оно крестьянскихъ дѣтей въ школахъ Закону Божию, и никто не жалуется на то, что это дѣлается плохо; почему же не учитъ священнику и взрослыхъ и уже зрѣлыхъ лѣтами изъ своей паствы въ храмѣ?

Сказать, что рядовое духовенство для этого мало образовано, никакъ нельзя даже про тѣ мѣста Россіи, гдѣ, за недостаткомъ образованныхъ кандидатовъ, въ священники ставятъ низшихъ членовъ причта, не окончившихъ семинарскаго курса. Даже эти мало-образованные ба-

тешки такъ высоко стоятъ въ умственномъ отношеніи надъ сѣрою массою народа, что учить и просвѣщать эту массу имъ не стоило бы большого труда.

Вся бѣда въ томъ, что съ церковной кафедры слышатся чаще всего дѣланныя, чужія, искусственныя рѣчи, не пережитыя, не перечувствованныя самимъ пастыремъ, и народъ бѣжитъ изъ церкви къ разнымъ братцамъ. Становится обидно, горько и досадно, что пастырь часто не даетъ въ своей проповѣди того, что сплошь и рядомъ предлагаетъ своимъ слушателямъ любой сектантскій вѣроучитель, подчасъ—человѣкъ совершенно безграмотный и невѣжественный. И послушали бы наши пастыри, самые скромные, самые малосвѣдующіе, что говорятъ эти вѣроучители, эти братцы, чѣмъ, какимъ жалкимъ, скуднымъ содержаніемъ они питаютъ народъ!

Наши священники мало говорятъ въ церкви потому, что школа духовная внушила имъ представленіе о церковной проповѣди, какъ о какомъ-то ученomъ риторическомъ подвигѣ, требующемъ пота и крови и высокопарныхъ фразъ. Воспитавшись на схоластическомъ образцахъ церковнаго витійства, наши батюшки положительно теряютъ способность къ живому и доступному прихожанамъ слову съ церковной кафедры. И въ приходскомъ храмѣ они выступаютъ съ тѣмъ же нагроможденіемъ текстовъ вмѣсто проповѣди, въ которомъ упражнялись въ духовной семинаріи. Отсутствие подготовки къ проповѣдничеству, даже больше—боязнь проповѣди, беспомощность на церковной кафедрѣ,—это одна изъ самыхъ печальныхъ сторонъ современнаго церковнаго положенія.

«Что читать? гдѣ взять матеріала для проповѣди?»—Эти странные для живого пастыря, знающаго свой приходъ, вопросы только потому и находятъ мѣсто себѣ, что у нашихъ священниковъ нѣтъ представленія даже о существѣ живой проповѣди. Да ничего не нужно читать и не зачѣмъ на сторонѣ искать матеріала,—стоитъ только присмотреться внимательно къ жизни прихожанъ, да покопаться въ своей собственной душѣ—и матеріалу хватитъ на цѣлые годы, а за эти годы накопятся новыя сокровища. Душа много бережетъ пережитаго, но это пережитое лежитъ гдѣ-то тамъ въ глубинѣ ея и постепенно блекнетъ. Нужно уподобиться евангельскому мудрому книжнику, который выноситъ изъ своего сокровища все—и старое и новое.

Какъ бы ни былъ малъ религіозный опытъ священника, его достаточно для того, чтобы освѣтить потемки души прихожанина. Нужно вспомнить пережитое, трогать старыя раны своей души, дѣлиться своими духовными запросами, это и будетъ живое слово. Предъ священникомъ больше, чѣмъ предъ кѣмъ либо другимъ, раскрыта интимная жизнь сердца прихожанъ. Развѣ здѣсь мало матеріала для сердечной живой проповѣди,—это вѣдь цѣлая неисчерпаемая книга для пастыря—проповѣдника.

Итакъ, пора бросить тетрадки съ вымученными, витіеватыми и напыщенными проповѣдями! Дайте народу услышать съ церковной кафедры живое пастырское слово! Эта мольба раздастся со всѣхъ концовъ Россіи вотъ уже двадцать съ лишнимъ лѣтъ. Многіе на нее откликнулись, многіе изъ духовенства порвали съ схоластическими преданіями школы и выступали съ живымъ, не заученнымъ заранѣе по тетрадкѣ словомъ. Но и въ этихъ случаяхъ случилось что то странное.

Проповѣдь оказалась живой, но все же непонятной, не касающейся жизни; она не освѣщала жизни, а отрывала отъ нея, говоря о какомъ-то внѣжизненномъ подвигѣ благочестія. Народъ вздыхалъ, сокрушенно крестился, но и только. А между тѣмъ, современная общественная и народная жизнь требуютъ настоятельно того, чтобы внести въ нихъ лучъ свѣта Христова и очистить отъ грубаго матеріализма.

Даже у простого народа попрежнему вѣра, молитва, церковь, богослуженіе стоятъ отдѣльно отъ жизни. Жизнь и работа всеневная не проникнуты и не освѣняются лучемъ вѣры. Еще хуже стоитъ дѣло у просвѣщенныхъ высшихъ слоевъ общества. Тамъ о вѣрѣ не думаютъ, о ней не упоминаютъ, живутъ такъ, какъ если бы не было Бога, не было вѣры, не было духовной жизни.

Священникъ, какъ наставникъ и воспитатель духовный, долженъ войти въ жизненную обстановку своихъ пасомыхъ, слѣдить за отношеніемъ ихъ къ своимъ житейскимъ дѣламъ и къ трудамъ своимъ. Онъ долженъ согрѣть именно эту жизнь и эти труды тепломъ вѣры и любви, освѣтить свѣтомъ Христовой правды и добра. Тогда у народа установятся правильныя понятія на свои житейскія обязанности. Это болѣе всего нужно народу, ему нужно помочь оцѣнить каждый свой шагъ, каждое дѣяніе съ религіозной точки зрѣнія.

Нечего скрывать того, что большинство среднихъ крестьянъ имѣетъ слишкомъ смутное представленіе даже относительно самыхъ основныхъ истинъ вѣры, — ихъ необходимо оглашать краткими катихизическими поученіями; ни трудности, ни сложности въ этой работѣ нѣтъ никакой: достаточно взять любое школьное руководство по катихизису и своими словами просто и ясно передавать его содержаніе народу. Но религіозный голодъ и жажда наученія, толкающая православныхъ въ темную среду всякихъ изувѣровъ, исходятъ все же, главнымъ образомъ, отъ вопроса, какъ жить, а не во что вѣровать.

Какъ примирить небо и землю, трудъ, повседневную работу и злобу дня съ подвигомъ жизни для спасенія души? Если бы наши проповѣдники спустились съ облаковъ до грѣшной земли и вмѣсто общихъ разсужденій о благочестіи и борьбѣ съ міромъ, которыя одинаково понятны и одинаково непонятны подъ всѣми градусами широты и долготы, стали говорить о томъ, какъ жить въ приходѣ, какъ бороться со зломъ при мѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, — народъ пе-

ресталъ бы ходить толпами за разными братцами и не наполнялъ бы мѣсть сектанскихъ радѣій.

При томъ напряженномъ религіозно-нравственномъ состояніи, какое мы наблюдаемъ сейчасъ въ переживаемую войну, каждый пастырь долженъ немедленно, какъ умѣетъ, выступить къ народу съ живымъ и задушевнымъ словомъ. Это — настоятельная религіозная потребность времени. Народъ жаждетъ горящаго ревностью, одушевленіемъ и любовью руководителя, и если онъ не явится даже теперь, то дѣло церковное въ Россіи будетъ потеряно навсегда. Массы народа пойдутъ за случайными руководителями.

К. Т.

Митрополитъ Макарій.

(къ исполненію 80 лѣтъ его жизни.)

Въ ночь на праздникъ Покрова Божіей Матери, 1835 года, въ убогой церковной сторожкѣ, служившей пріютомъ многосемейнаго сельскаго понамаря, явился на Божій свѣтъ новый, по счету восьмой, членъ семьи. Едва слышимый крикъ ребенка возвѣстилъ это событіе и прекратился. Родившійся мальчикъ былъ такъ слабъ, что не давалъ надежды выжить, а потому былъ немедленно окрещенъ съ именемъ Михаила и въ бѣлой крестильной рубашечкѣ положенъ подъ святыя иконы въ ожиданіи смерти. Тихо блѣдная лампада озаряла св. иконы и лежащаго въ углу младенца. Сокрушались ли родители дитяти ожидаемой его участью, или же подъ вліяніемъ нужды легко помирилась съ ней. Во всякомъ случаѣ никакихъ надеждъ не могло витать надъ слабымъ новорожденнымъ.

Прошло много времени прежде, чѣмъ повторился крикъ дитяти. Духъ поборолъ немощь тѣла. Младенецъ остался жить.

Такъ робко вступилъ въ жизнь нынѣ совершающій восьмидесятую годовщину своей жизни Владыка Митрополитъ Московскій Макарій.

Эти первые часы его жизни сдѣлалась какъ бы прообразомъ и всей его долготѣйшей жизни. Всю свою долгую жизнь, въ разныхъ положеніяхъ и даже на высокихъ служебныхъ постахъ, онъ такъ мало бралъ отъ жизни, такъ слабо былъ связанъ съ земнымъ. Зато подъ лучами Свѣта Христова обильно раскрывалъ величіе своего духа и щедро изливалъ теплоту своей любви на окружавшихъ его людей; въ служеніи ли миссіонера на Алтаѣ, на каѳедрѣ ли Епископа въ Томскѣ и теперь на высокомъ Митрополичьемъ престолѣ въ сердцѣ Россіи — г. Москвѣ, вездѣ Владыка Макарій влечетъ къ себѣ сердца людей, отъ бѣдныхъ дикарей, насельниковъ Алтая, до просвѣщенныхъ обитателей пышныхъ палатъ въ столицахъ.

Строгий аскетъ, удручаемый въ послѣдніе годы немощами тѣлесными, онъ въ этомъ скудельномъ сосудѣ плоти своей вмѣщаетъ свѣтильникъ вѣры, лучи котораго изъ далекой Сибири достигли царскихъ палатъ, и искренность молитвы, теплота которой согрѣваетъ тысячи сердець вѣрующаго народа.

Пожелаемъ, чтобы Господь еще на многіе годы продлилъ жизнь святителя, подкрѣпилъ его тѣлесныя силы и сохранилъ свѣтильникъ духа его на благо святой Россійской Церкви. «Ис полла эти, деспота».

(Т. Е. В.)

Извѣстія и замѣтки.

Привычка табакокурения, какъ показатель дурного настроенія въ пастырѣ.

(Изъ чтеній Уфимскаго Епископа Андрея на пастырскомъ съѣздѣ 1916 г. въ г. Уфѣ)

Для всякаго, кто куритъ табакъ, необходима борьба съ этой дурной привычкой. Для пастыря же курящаго въ особенности необходима такая борьба, какъ требованіе его пастырской совѣсти и показатель добраго настроенія. Если пастырь желаетъ научить другихъ борьбѣ со страстями, а это его долгъ, то ему необходимо самому пережить эту борьбу, хотя бы съ самой малой страстью. Отъ такой борьбы получается опытъ, и только пастырь, на опытѣ своемъ узнавшій значеніе этой борьбы, будетъ въ состояніи дать искреннее назиданіе своей паствѣ.

Пастырь же, подверженный глупой и нечистоплотной привычкѣ куренія, и не прилагающій усилія оставить этой привычки, тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ не только не хочетъ бороться, но открыто сознательно предъ другими разрѣшаетъ себѣ грѣхъ. Проповѣдь такого пастыря всегда малосильна и бесплодна: я уже не говорю, что такой пастырь невыносимъ среди слушателей раскольниковъ: послѣдніе съ негодованіемъ будутъ смотрѣть на такого проповѣдника. Такъ сознательное разрѣшеніе себѣ грѣха лишаетъ пастыря его духовнаго вліянія на паству и служитъ препятствіемъ къ духовному единенію между пастыремъ и тѣми пасомыми, которые искренно хотѣли бы врачеваться отъ своего пастыря. На исповѣдь къ такому пастырю избѣгаютъ идти, если только представляется возможность провѣрить себя и свою совѣсть у такого пастыря, который имѣлъ хотя-бы маленькій опытъ въ своей духовной жизни, т. е. хотя-бы немного провѣрялъ себя и боролся съ собою.

Въ распоряженіи пастыря вообще мало свободнаго времени для молитвы и для провѣрки своего внутренняго настроенія, поэтому пастырю необходимо пользоваться тѣмъ временемъ, которое ему прихо-

дятся проводить въ дорогѣ, при поѣздкахъ въ различные уголки своего прихода для исполненія требъ или въ его школы. Тѣмъ болѣе, что исполненіе самыхъ требъ есть краткая молитва, послѣ которой предстоитъ опять дорога, во много разъ больше отнимающая времени, чѣмъ самая молитва, т. е. совершеніе требы. Такая-то дорога и должна быть проводима пастыремъ въ молитвѣ, въ молитвенномъ самоуглубленіи, въ провѣркѣ своего нравственнаго состоянія. И вдругъ, вмѣсто этого, у пастыря является желаніе удовлетворить скверной привычкѣ курить, т. е. одурманивать себя табакомъ. Въ этомъ для пастыря великая бѣда, большое горе, даже несчастіе. Свободное дорогое время проведено уже не только безъ пользы, но съ большимъ вредомъ въ одурманиваніи себя. Такое явленіе всегда свидѣтельствуетъ о дурномъ настроеніи пастыря, его проповѣдь всегда для паствы остается пустымъ звукомъ, въ глазахъ паствы такой пастырь будетъ только лицомъромъ...

Письмо черкогорскаго митрополита Гавріила объ истребленіи сербскаго племени озвѣрѣлыми швабами.

„Недавно я вернулся, пишетъ митрополитъ Гавріилъ, изъ *Босніи и Герцоговины*, куда ѣздилъ съ дрицкимъ отрядомъ.

Былъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сараева. То, что я видѣлъ, нельзя передать человѣческимъ языкомъ.

Наши враги въ своей дикости, низости и жестокихъ звѣрствахъ превзошли Атиллу и Алариха и все ужасы человѣческой исторіи до XX вѣка.

Всѣхъ священниковъ, учителей и всѣхъ болѣе видныхъ сербовъ въ областяхъ, которыя мы освободили, они заранѣе, до нашего прихода, замучили.

Они ихъ не убивали, какъ убиваютъ люди людей, а безстыдно надъ ними издѣвались, собирали ихъ семьи и на глазахъ женъ и дѣтей терзали ихъ тѣла.

Тѣхъ женъ и дѣтей, которыя осмѣливались плакать при видѣ мученій мужей и отцовъ, тутъ же били на смерть ружейными прикладами.

Я видѣлъ много младенческихъ трупиковъ со страшными колотыми ранами въ животъ: это австрійцы на глазахъ матерей убивали будущихъ свободныхъ гражданъ многострадальной *Босніи и Герцоговины*.

Того, что дѣлалъ австрійцы съ сербскимъ народомъ, не дѣлали Децій и Калигула съ христіанами.

Они творили дѣла, которыхъ долженъ стыдиться христіанскій народъ.

Когда я прибылъ въ городъ *Фочу*, шипеть далѣе черногорскій митрополитъ Гавріиль, не успѣлъ я еще сойти съ лошади, какъ былъ окруженъ семьями несчастныхъ жертвъ.

Плачь и рыданія—вмѣсто словъ и привѣтствій...

Задыхаясь отъ слезъ, они умоляли меня совершить отпѣваніе надъ многочисленными тѣлами, *такъ какъ во всѣхъ окружающихъ мѣстностяхъ не оставалось ни одного священника, который могъ бы совершить христіанскій обрядъ погребенія.*

Первымъ долгомъ я направился къ австрійскому военному кладбищу, по дорогѣ къ которому и лежали убитые сербы.

На кладбищѣ нашли мы много могилъ: одиѣ уже были зарыты, другія—нѣтъ, а въ нихъ—трупы... Тутъ были: протоіерей города *Фочи* Кочовичъ, священникъ Владиміръ Поповичъ, два учителя Вуковичи, и около тридцати народныхъ представителей и крестьянъ.

Что всего ужаснѣе,—жестокіе швабы заставляли живыхъ рыть себѣ моилы, приказывали имъ туда лечь, затѣмъ убивали; слѣдующая очередь живыхъ зарывала своихъ казенныхъ братьевъ и копала могилу себѣ...

Такія звѣрства особенно были проявлены въ *Городжъ*, *Чайницъ*, *Рогатицъ*, *Триовъ* и др. мѣстахъ.

На всемъ пройденномъ пространствѣ мы не встрѣтили священника, или учителя, или народного представителя.

Вездѣ и всюду ужасы человѣческихъ страданій!..

Если бы ты видѣлъ, дорогой о. Мардарій, то, что видѣлъ я, ты бы истекъ слезами и какъ сербъ, и какъ человекъ,—твое сердце не выдержало-бы!..

Глядя на эти ужасы, я невольно самъ себя спрашивалъ: это ли культура XX вѣка?!

Это ли прогрессивное человѣчество?!

Это ли христіанскій народъ, просвѣщенный евангельскимъ ученіемъ?!

О, Господи! Не сонъ ли это, или кошмарная дѣйствительность, постыжающая Твою христіанскую церковь?

Избави насъ отъ этихъ звѣрей и чудовищъ въ человѣческомъ образѣ!..

Не могу больше писать объ ужасахъ, видѣнныхъ въ несчастныхъ *Босніи* и *Герцеговинѣ*, рука дрожитъ и сердце сжимается отъ ужаса и скорби"... (К. П.)

Геройскій подвигъ полкового священника.

Прапорщикъ Н. Н., раненый въ бою подъ Сандомиромъ и только что вернувшійся съ театра войны въ Москву, рассказываетъ о геройскомъ подвигѣ полкового священника о. Царевского.

1 сентября командиръ одного изъ нашихъ полковъ, находившихся подъ Сандомиромъ, получилъ отъ нашего развѣдочнаго отряда донесеніе о томъ, что противъ русскаго лагеря расположились въ окопахъ нѣсколько австрійскихъ полковъ. За этими австрійскими полками находились въ окопахъ около 2000 нѣмцевъ, какъ бы наблюдавшихъ за полками, въ которыхъ было много славянъ.

Рано утромъ 3 сентября нашъ стрѣлковый полкъ въ полномъ боевомъ порядкѣ, подъ звуки народнаго гимна, съ развернутымъ знаменемъ двинулся къ окопамъ, гдѣ находились полки австрійской арміи.

Вдругъ нашъ полкъ остановился, и отецъ Царевскій въ полномъ облаченіи неся въ рукахъ большой крестъ, отдѣлившись отъ полка, одинъ направился къ окопамъ. Съ обѣихъ сторонъ не было произведено выстрѣловъ. Когда о. Царевскій, дойдя до первыхъ рядовъ окоповъ, гдѣ находились много славянскихъ солдатъ, осѣнивъ ихъ крестомъ, обратился къ нимъ со словами: „Безумцы, одумайтесь! Вы не вѣдаете, что творите... Съ нами Богъ, разумѣйте языцы“, то тотчасъ же вышедшіе изъ окоповъ солдаты-славяне стали на колѣни, снявъ шапки. Священникъ вновь осѣнилъ ихъ крестомъ и сказалъ: «Грядите со мной къ своимъ братьямъ». Бросивъ оружіе въ кучу, солдаты пошли къ русскому лагерю, имѣя впереди о. Царевского. Находившіеся въ окопахъ германцы въ это время открыли огонь по удалявшимся отъ нихъ солдатамъ-славянамъ.

Тотчасъ наши батареи начали обстрѣльвать непріятельскихъ окоповъ, затѣмъ двинулась наша пулеметная рота, за нею и стрѣлки. Германцы въ большинствѣ были перебиты, частью взяты въ плѣнъ.

Умилительная была картина, когда солдаты-славяне, перейдя въ русскій лагерь, кинулись въ объятья нашихъ солдатъ, огласивъ воздухъ восторженными криками: «Да здравствуетъ русскій Царь!»

За самоотверженный подвигъ о. Царевскій награжденъ командующимъ арміей Георгіевскимъ крестомъ.

Во время стрѣльбы изъ германскихъ окоповъ, о. Царевскій раненъ въ правую руку двумя пулями навывлетъ. Полученныя имъ раны относительно легкія.

«Х. Е. В.»

Добольствіе русских плѣнныхъ въ Германіи *).

РОСПИСАНІЕ ДНЕЙ.

Понедѣльникъ завтракъ болтушка ссотрубей обедъ ни-
чищенная морковка ужинъ костеная болтушка. Вторникъ зав-
тракъ кукурузовая болтушка обедъ каштановый супъ ужень
похлебка ечменная слузгой. Среда завтракъ болтушка сбобо-
вой лузги обедъ брюквенный супъ ужень селедка и $\frac{1}{8}$ фун.
картофеля въ мундирахъ. Читвергъ завтракъ серая болтушка
названія нимогъ опредѣлить обедъ супъ сболотной травой
ужень $\frac{1}{16}$ фун. сыру туфлаго скофемъ. Пятница завтракъ чи-
чивичная похлебка обедъ супъ съ ничищенной толченой кар-
тошкой и луговой травой ужень желтая болтушка. Субота
завтракъ кофе безъ всиво обедъ сгороховыми стручами ужень
картошки $\frac{3}{8}$ фун. чищенной толченой полита чемто кислымъ
Воскресеніе завтракъ мучная болтушка обедъ супъ съ фа-
солью и конскимъ мясомъ кромѣ этого еще каждый день $\frac{1}{2}$
фун. хлеба пиченый с картофелемъ и другой какойто примесью
вобщемъ все это составляется сничиво такъ что очень много
заболеваютъ стакой пици ябы желалбы ему отомстить затакое
питаніе но я ни всостояніи то я сообщаю всему Рускому на-
роду что если кто попалъ въ кретическое обстоятельство то
лечче себя покончить чемъ въ Германію въ пленъ здаваться
я былъ ранень и миня забрали в пленъ все у меня отобрали
и положили на тележку прикрыли соломкой и повезли въ
пленъ то мне это время такое трудное было холодъ и голодъ
нимогу самъ себе объяснить какъ это время пережить и про-
былъ я въ плену 6 месяцевъ то я ни видалъ светлаго дня
отъ голоду типерже я возвратился в россію то мне кажется
что я враю нахожуся кто въ Германіи въ плену не бывалъ
тотъ и горя ни видалъ подтверждаю что въ Германіи мироед-
ство и губителство наказываютъ безъ пощадно замалейшіе про-

---

*) Это сообщеніе русскаго солдата, присланное въ редакцію священникомъ слоб.
Песчаной, Новооскольскаго уѣзда, Тихономъ Нестеровымъ, печатаемъ съ соблюденіемъ
ореографическихъ особенностей его автора, живущаго въ настоящее время въ Новомъ-
Осколѣ.

ступки если въ баракѣ кто закурилъ то къ столбу привяжутъ поногамъ и рукамъ виврекой чтобы не подвижнымъ былъ если кто спрятался отъ работы то кушать не дадутъ и къ столбу вяжутъ и по затылку дадутъ и т. д.

«К. Е. В.»

Бывшій въ плену *Алейниковъ*.

Редакторъ, Преподаватель Духовной Семинаріи В. Телятьевъ.

Печатать разрѣш. Цензоръ, Ректоръ Благовѣщенской Духовной Семинаріи
Протоіерей Александръ Миролюбовъ.

Электро-типографія Войскового Правленія Амурскаго казачьяго войска,
въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ.